

УДК 811.133.1

И.Д. Матько

О НЕКОТОРЫХ МЕТАДИСКУРСИВНЫХ ФУНКЦИЯХ ФРАНЦУЗСКИХ ЧАСТИЦ

В статье описываются некоторые метадискурсивные функции частиц. Особое внимание уделяется одному из наиболее распространенных видов затруднений вербального общения, известному как хезитация. Статья освещает эмоциональные, когнитивные, коммуникативные и интерактивные причины хезитации, исследуется роль частиц как метадискурсивных элементов дискурса, с помощью которых коммуниканты преодолевают этап хезитации как одного из трудных моментов интеракции.

Сама форма реального речевого общения с ее спонтанностью, неподготовленностью предопределяет возникновение трудностей в развитии коммуникативного процесса. Это может проявляться в паузах, повторах, колебаниях, «пустых» или «холостых» интерактивных ходах. Подобные моменты коммуникативного взаимодействия – явление так называемой хезитации – обычно заполняются различными метадискурсивными элементами, среди которых немало частиц и их сочетаний. Однако исследование функций этих слов долгое время сводилось к эпизодическим работам по описанию частных свойств отдельных частиц или их групп. Проблемы с определением точной семантики частиц послужили основанием для некоторых ученых лишить эти слова всякого семантического содержания и считать частицы десемантизированными элементами речи [1, с. 139]. Не способствовало изучению частиц и негативное отношение к ним, поскольку считалось, что они засоряют речь и являются словами-«паразитами». При изучении роли частиц в организации дискурса ограничивались констатацией их наличия в вынужденных паузах хезитации, а их контактоподдерживающая функция сводилась к участию в ритмической организации фразы в качестве своего рода фонетических прокладок [3, с. 155]. Тем не менее более внимательное изучение этих «пустых» на первый взгляд заполнителей пауз позволяет утверждать, что частицы и их сочетания выполняют важные метадискурсивные функции, обеспечивая успешное протекание интерактивного процесса.

Явление хезитации, в рамках которого мы будем исследовать метадискурсивные функции французских частиц, может быть обусловлено целым рядом причин эмоционального, когнитивного, коммуникативного и интерактивного порядка.

Исследуя эмоциональный фон интеракции, Г.В. Колшанский отмечает, что взаимопонимание между коммуникантами осуществляется не только через передачу и адекватное восприятие фактуальной информации, но и через эмоциональный обмен между участниками коммуникативной ситуации [4, с. 72]. Можно сказать, что носителю языка человеку разумному *homo sapiens* присущ и предикат человек чувствующий – *homo sentiens*. Однако общий эмоциональный фон общения не всегда может быть точно определен участниками коммуникации, более того, он может постоянно меняться, поэтому для создания и поддержания оптимальных параметров эмоционально плана интеракции частицы, представляя собой языковые средства модального плана, подходят как нельзя лучше. Этому способствует и «размытая» семантика частиц: эмоциональные компоненты интеракции с трудом поддаются вербализации в силу того, что их содержательная сторона весьма неопределенна, и в этом случае большой спектр разнообразных модальных и эмоционально-экспрессивных значений частиц позволяет коммуни-

кантам выстраивать широкую модальную и эмоциональную рамку коммуникации и избегать, тем самым, точных номинаций, предикаций и т. д. Таким образом, участвуя в эмоциональном взаимодействии собеседников, частицы могут как отражать возникающие затруднения эмоционального характера, так и давать возможность коммуникантам преодолевать коммуникативные препятствия эмоционального плана, демонстрируя при этом желание не прерывать общение согласно правилам кооперативного общения Г.П. Грайса.

Случаи хезитации могут быть объяснены также закономерностями когнитивного порядка; в таком случае частицы являются конвенциональными средствами нерасчлененного выражения определенного психического состояния говорящего – состояния затруднения, вызываемого преодолением некоторого препятствия ментального характера [2, с. 52].

Порождение речи включает два аспекта: предварительное обдумывание и планирование (когнитивный аспект), а также организацию языковых средств для оптимального выражения идей (риторический аспект) [9, с. 49; 11, с. 148; 12, с. 308]. Для осуществления как первого, так и второго требуются определенные затраты ментальных усилий и времени, причем на обоих этапах речепорождения говорящий может сталкиваться с определенными сложностями либо когнитивного, либо риторического плана. Затруднения при осуществлении указанных операций проявляются в виде пауз, повторов и заполняются различными вербальными средствами с широким диапазоном коммуникативной семантики (частицы, междометия, сочетания частиц и т. д.).

Употребление частиц в момент порождения речи, по мнению ученых, может быть связано с ментальными процедурами, связанными с внутренним программированием высказываний [6, с. 155]. Тем самым использование метадикурсивных элементов совпадает с этапом замысла программы высказывания [3, с. 155–157]. На этапе реализации программы высказывания появление частиц может указывать, например, на затруднение в процессе акта номинирования [6, с. 150] либо на проблемы, связанные с необходимостью преобразования многомерного смысла в линейную структуру текста [2, с. 53]. Соответственно, среди частиц выделяют маркеры планирования, концептуализации (формирования в сознании говорящего понятия, соответствующего плану содержания одной или нескольких языковых единиц, которое затем будет вербализовано); маркеры поиска (припоминание нужного слова в процессе реализации программы) [3, с. 155–157] и т. д.

Одновременно, столкнувшись с подобными когнитивными затруднениями, говорящий при помощи частиц замедляет темп речепроизводства, что позволяет ему получить дополнительное время для адекватного выполнения всех когнитивных и риторических процедур.

Описанные выше когнитивные затруднения представляют собой явления «статического» порядка. Однако динамика когнитивных процессов в дискурсе привносит в общение дополнительные трудности коммуникативного плана, которые, в свою очередь, также могут стать причиной хезитации.

Каждое высказывание, используемое в коммуникации, представляет собой мысль говорящего, ту мысль, которую он хочет сообщить своему собеседнику. Теория релевантности постулирует, что всякое высказывание в дискурсе релевантно, это именно тот минимум, на который может рассчитывать собеседник при получении сообщения, без этого минимума речевая коммуникация невозможна [15, с. 13; 16]. Более того, с точки зрения этой теории, собеседники автоматически настраиваются на оптимальную релевантность высказывания, то есть на то, что при обработке информации данного высказывания будет получен максимальный когнитивный эффект при минимальной затрате усилий на обработку такой информации [15, с. 16]. Но так бывает не всегда: высказывание собеседника может оказаться не оптимально релевантным для данной

ситуации [10, с. 84; 16, с. 1995]. Здесь необходимо указать на тот факт, что синтагматические отношения в дискурсе носят несколько иной характер по сравнению с фонологическим или морфологическим уровнями: в реальном речевом общении детерминация последующего элемента предшествующим не столь жесткая. Поэтому нерелевантное высказывание говорящего ставит интерпретатора перед необходимостью затрачивать дополнительные ментальные усилия и время на поиск адекватных схем анализа высказывания: установить логические и контекстуальные импликации, выбрать одни и отбросить другие, по результату обработки информации получить правильные инференции и т. д. При этом интерпретация должна опираться на предшествующие знания, которые служат для нее контекстом, и этот контекст, в свою очередь, должен быть одинаков у обоих партнеров, иначе коммуникативное взаимодействие обречено на неудачу. Как видим, поиск коммуникативно релевантного ответного высказывания также может порождать трудности не только когнитивного, но и коммуникативного плана. В данном случае метадискурсивные частицы и их сочетания (такие, как *alors, bon, bien, donc, enfin, quoi, tu vois*) могут отражать процедуру поиска, идентификации, обработки коммуникативно релевантной информации и формулирование высказывания, адекватного прагматическим интенциям говорящего с учетом коммуникативной ситуации. При этом не исключена возможность переосмысления и переформулирования говорящим своего сообщения, что также маркируется частицами [5, с. 67].

Рассмотрим некоторые случаи использования частиц для снятия коммуникативных затруднений в рамках так называемого аргументативного дискурса (о теории аргументации см. [8]), где они выступают в качестве индикаторов поиска аргументов.

Процесс поиска всех возможных и исчерпывающих аргументов предполагает выполнение целого ряда ментальных процедур, что, в свою очередь, порождает у говорящего определенные затруднения, маркируемые частицами при вербализации аргументов.

Так, например, в случае с употреблением частицы *enfin* ментальное затруднение вызвано необходимостью поиска и оценки нужного для данной речевой ситуации аргумента так называемого второго порядка. Обратимся к примеру:

– Vous vous portez très bien physiquement. Enfin, apparemment. Je peux vous faire des analyses, si vous voulez ou vous donner des médicaments pour votre tonus [Sagan 1986, p. 25].

Мужчина обратился к врачу, считая себя больным. Врач сразу приводит наиболее весомый довод: *Vous vous portez très bien physiquement*. Затем наступает пауза, выраженная на письме точкой, во время которой врач оценивает свой довод и находит его важным, но недостаточным, так как мужчина не обратился бы к врачу, если бы чувствовал себя хорошо. Требуется такой дополнительный аргумент, который бы оправдал беспокойство мужчины по поводу своего здоровья: *Vous vous portez bien apparemment* и в то же время не слишком его испугал. Контекст указывает, что главный аргумент (*Vous vous portez très bien physiquement*) почти всегда находится в поле сознания говорящего, тогда как на поиск и оценку дополнительных доводов (аргументов второго порядка) требуется время и мобилизация значительных ментальных ресурсов. При этом оба аргумента направлены к общему имплицитному выводу: *Vous n'avez rien à craindre*.

Иногда главный аргумент в разговоре может оказаться не совсем уместным в силу различных обстоятельств.

– Je l'ai croisé hier, sur les Champs-Élysées, dit Tony, bien amaigri... Mais il sifflotait, il marchait au soleil, comme si de rien n'était ...

– Comme si de rien n'était? Qu'est-ce qui est? demanda Béatrice.

– Tu ne sais pas? on dit qu'il a un ... enfin, une sorte de tumeur... tu me comprends? [Sagan 1977, p. 95]

Оба аргумента, как главный (имплицитный) *Il a un cancer*, так и довод со сниженной аргументативной силой, вводимый *enfin*, (*il a) une sorte de tumeur*, коориентированы к заключению: *Il est gravement malade*. Сравним:

а *Il a un cancer* ⇒ *Il est gravement malade*.

б *Il a une sorte de tumeur* ⇒ *Il est gravement malade*.

Подобное схематичное представление аргументативной ситуации подтверждает наличие сниженного аргументативного потенциала у сегмента, вводимого частицей *enfin*, которая смягчает утверждение: *Il a un cancer*. Однако нежелание огорчать слушающего заставляет говорящего перевести главный аргумент *Il a un cancer* в имплицитную сферу, занявшись поиском и подбором аргумента с менее интенсивным аргументативным потенциалом: *enfin (il a) une sorte de tumeur*. Тем не менее слушающий, осознающий иерархию аргументов в данном высказывании, отдает себе отчет в том, что если частица *enfin* обладает коэффициентом понижения аргументативной напряженности, то, следовательно, перед *enfin* должен находиться сегмент, аргументативно более весомый. Затруднения, испытываемые говорящим перед введением довода второго порядка, объясняются оценкой говорящим степени релевантности (уместности) главного аргумента и затратами времени на нахождение вторичного аргумента.

Иногда коммуникативные затруднения не удается преодолеть только с помощью частиц, и тогда говорящий может прибегнуть к другим метадискурсивным средствам, например предикативным сегментам типа *je veux dire*. Такого рода стандартные речевые формулы, вербализация которых не требует большого ментального напряжения и времени, позволяют говорящему заняться поиском нужных дополнительных аргументов второго порядка. Например:

– Mais alors, vous ne regardez plus la télévision, *enfin* je veux dire les machines à images? [Sabatier, p. 180].

В интерактивном общении один из собеседников может использовать частицу *enfin* с намерением переложить ответственность за точное формулирование аргумента на своего партнера (в стилистике такой прием носит название апосиопеза). Например:

– Vous devriez le quitter, dit Brandon.

– Ce serait une loque, *enfin*, je veux dire ...

– C'est une loque, déjà.

– Je sais ... [Sagan 1980, p. 20].

Выступая в роли сигнала затруднения при поиске единственно правильного аргумента, *enfin* употребляется и в тех предельных случаях, когда затруднение непреодолимо для говорящего и он смиряется с невозможностью подобрать нужный довод. Например:

Elle s'en voulait de n'avoir pas téléphoné avant qu'elle rentrerait plus tôt que prévu. Seulement Linda était déjà derrière elle, les yeux ronds dans son visage blanc, l'air oppressé, et il lui fallait trouver une parade pour ce quelque chose d'irréparable qui s'était sans doute passé chez elle. *Enfin*, chez elle ... ? chez eux ... ? Car depuis dix ans, elle disait «notre maison» et David disait «la maison» [Sagan 1978, p. 59].

Затруднения, испытываемые коммуникантами в процессе общения и эксплицированные частицами и их сочетаниями, могут относиться и непосредственно к сфере интеракции.

Для лингвистического анализа интерактивных компонентов коммуникации используют схематическое представление стандартной, типизированной ситуации взаимодействия, образ которой может быть представлен в виде ситуативной модели, сценария, фрейма. Подобные фреймы включают два вида информации: декларативные и процедуральные знания.

С одной стороны, для успеха коммуникации необходим общий когнитивный фонд, иначе говоря, у участников в ментальном поле должен присутствовать общий набор фреймов с одинаковыми знаниями декларативного плана, без чего совместная коммуникативная деятельность затруднена или просто невозможна. Но общий фонд знаний представляет собой не просто какое-то количество информации, которым в равной степени располагают все участники общения. Его установление или поддержание в каждом акте речи постоянно меняет когнитивный фон коммуникации и зависит от него, что порождает трудности когнитивно-интерактивного уровня, возникающие постоянно в ходе интеракции, но разрешаемые почти всегда на подсознательном уровне. Вербальными индикаторами такого рода затруднений могут выступать частицы и их сочетания.

С другой стороны, стандартная коммуникативная ситуация не сводима только к декларативному знанию, коммуникативное взаимодействие часто опирается на комплексы процедурального знания. И случается, что не во всякой типизированной коммуникативной ситуации ее участники, действуя «автоматически», оказываются в состоянии адекватно оценивать процедуральные элементы интеракции. Так происходит потому, что дискурс – не просто «субстанция» для реализации, это одновременно и источник постоянно меняющихся когнитивных моделей: ведь контекст дискурса динамичен, а не статичен, как отмечают многие исследователи [13, с. 10; 14, с. 365]. В силу динамичности дискурса собеседники, имея желание продолжать общение, могут испытывать затруднения с идентификацией того сценария, по которому оно будет развиваться, и процедур его реализации. Отметим, что в когнитивном, и особенно – интерактивном, аспекте способность вероятностного прогнозирования нескольких альтернативных способов продолжения дискурса, экспектации и антиципации, характеризующие наши установки относительно наиболее вероятного, т. е. «правильного» развития дискурса, – это важнейшая часть коммуникативной компетенции.

Исследования показали, что употребление метадискурсивных элементов может совпадать с этапом сопоставления реализации замысла с самим замыслом, и тогда они могут выступать в качестве маркеров контроля (отслеживание правильности порождения и реализации сценария) [6, с. 155]; маркеров коррекции (коррекция реализации – оговорки и т. п. – или самого сценария – оформление вставных конструкций) [3, с. 155–157].

Рассмотрим пример когнитивно-интерактивных затруднений, когда в процессе спонтанного диалогического общения партнерам не удается определить набор декларативных и процедуральных знаний, а также мотивы и интенции друг друга, иными словами, не удается уловить специфику конфигураций индивидуальных ментальных схем, на основе которых можно было бы продолжать коммуникативное взаимодействие в соответствии с принципами кооперативного общения [7, с. 145]. Для преодоления такого препятствия коммуниканты часто прибегают к так называемым эхо-репликам, которые состоят из частиц или их сочетаний: *alors, ça alors, eh bien, et après, et alors* и т. д. Например:

– Brouillard en novembre, ciel clair en décembre, dit Bisontin en guise de bonjour.

– Ah, fit Marie. Ça vient d'un autre pays. Je n'y avais jamais entendu ça ici.

– Moi non plus, dit-il en riant. Et pas davantage ailleurs qu'ici.

– Alors?

– Alors, je le dis comme ça. Parce qu'il faut bien se donner de l'espérance. [Clavel 1980, p. 136]

В приведенном диалоге повтор, представленный *alors*, отражает «слабое место» в содержании интерактивного обмена, поскольку собеседник затрудняется с определением как декларативных компонентов фрейма, так и интенций своего партнера («К чему мне эти знания?» «Зачем он мне все это говорит?»). Следствием этого непо-

нимания являются трудности с выбором как следующего фрейма, так и процедур его реализации («Что мне делать с этими знаниями дальше?» «Как мне поступать дальше?»).

Использование партнером ответной реплики с *alors* служит, во-первых, замедлителем темпа коммуникации, а во-вторых, представляет собой сигнал говорящему о том, что партнер пытается настроиться и активировать ментальное пространство (фрейм), идентичное ментальному пространству своего *vis-à-vis*. Более того, повтор одинакового метадискурсивного элемента – частицы *alors* – свидетельствует о совпадении их оценки этого фрагмента действительности посредством одинакового – эхообразного – отражения ментальных схем. На языковом уровне совпадение концептуальных и категориальных представлений о мире репрезентируется сходными языковыми элементами – частицей. В свою очередь, такое совпадение когнитивных схем порождает иллюзию взаимопонимания, необходимую для успешной реализации последующих фаз диалога. Эхообразная дискурсивная когерентность, представленная цепочкой частиц, отражает идентичность активированных когнитивных структур коммуникантов.

Таким образом, частицы, формирующие эхо-реплики, помогают собеседникам, испытывающим затруднения в объективации мысли партнера (декларативные знания), при установлении фрейма, соответствующего данной ситуации общения, и его реализации (процедуральные знания). Поскольку в живом диалогическом общении почти всегда превалирует субъективный момент высказывания, а частицы обладают широким спектром субъективно-модальных оттенков, постольку они хорошо подходят на роль «камертона», настраивающего коммуникантов на единое фреймовое пространство, увеличивая тем самым вероятность эффективного протекания коммуникативного процесса. С точки зрения интеракции, частицы репрезентируют контактную солидарность, свидетельствующую об унисонном характере взаимодействия партнеров по коммуникации.

Представленный анализ позволяет сделать вывод о том, что развитие дискурса имеет сложную конфигурацию и происходит путем постоянной сверки выводов, интерпретаций, ассоциаций, правдоподобных догадок с информацией, как поступающей из самого дискурса, так и из внешней ситуации общения, их адаптацией, модификацией и т.д. Все эти когнитивные операции требуют времени и усилий, однако в реальном речевом общении времени на обдумывание, планирование и организацию дискурса обычно не очень много, поэтому говорящий часто испытывает затруднения эмоционального, когнитивного, коммуникативного и интерактивного плана, которые проявляются в виде пауз хезитации. В подобных случаях метадискурсивные элементы речи, частицы в том числе, выполняют две функции. Во-первых, частицы и обороты с частицами, маркируя следы эмоциональных, когнитивных, коммуникативных и интерактивных затруднений, выступают их вербальной манифестацией. Во-вторых, частицы используются партнерами в качестве эффективного средства преодоления трудных этапов интерактивного взаимодействия, одним из которых является хезитация.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андриященко, Т.Я. Метатекст и его роль в интерпретации текста / Т.Я. Андриященко // Проблемы организации речевого общения / АН СССР, Ин-т языкознания. – М., 1981. – С. 127–151.
2. Баранов, А.Н. Модальные частицы в ответах на вопрос / А.Н. Баранов, И.М. Кобозева // Прагматика и проблемы интенциональности. – М. : ИНИОН АН СССР, 1998. – С. 45–69.
3. Дараган, Ю.В. Функции слов-«паразитов» в русской спонтанной речи / Ю.В. Дараган // От слова к тексту. – Минск, 2000. – Ч. 3. – С. 155–157.

4. Колшанский, Г.В. Коммуникативная функция и структура языка / Г.В.Колшанский. – М. : КомКнига / URSS, 2005. – 176 с.
5. Нестерович, Т.Н. Творческие приемы обучения говорению / Т.Н. Нестерович // Новые подходы к вопросам теории и практики преподавания французского языка в Республике Беларусь / отв. ред. С.А. Шашкова. – Минск : МЛГУ, 1998. – С. 63–67.
6. Сахно, С.Л. К проблеме типологии приближенных номинаций / С.Л. Сахно // Новые явления и тенденции во французском языке : межвуз. сб. науч. тр. – М. : МГПИ им. В.И. Ленина, 1984. – С. 147–158.
7. Третьякова, Г.Н. Категоризация мира и эффективное речевое воздействие / Г.Н. Третьякова // Общие проблемы строения и организации языковых категорий / Ин-т языкознания РАН. – М., 1998. – С. 144–145.
8. Anscombe, J.-C. L'argumentation dans la langue / J.-C. Anscombe, O. Ducrot. – Bruxelles: Mardaga, 1983. – 184 p.
9. Brown, P. Speech as a marker of situation / P. Brown, C. Fraser // Social Markers in Speech. – Cambridge, 1979. – P. 33–62.
10. Coulthard, M. Exchange structure / M. Coulthard, D. Brazil // Studies in Discourse Analysis. – London, 1981. – P. 82–106.
11. Fillmore, C.J. Pragmatics and the description of discourse / C.J. Fillmore // Radical Pragmatics. – New York, 1981. – P. 143–166.
12. Levinson, S.C. Activity types and language / S.C. Levinson // Linguistics. – 1979. – Vol. 17 (5/6). – P. 365–399.
13. Mey, J.L. Pragmatics: An Introduction / J.L. Mey. – Oxford; Cambridge, MA, 1993.
14. Schiffrin, D. Approaches to Discourse / D. Schiffrin. – Oxford; Cambridge, MA, 1994.
15. Sperber, D. Façons de parler / D. Sperber, D. Wilson // Cahiers de linguistique française. – 1986. – № 7. – P. 9–26.
16. Sperber, D. Relevance: Communication and Cognition / D. Sperber, D. Wilson. – 2nd ed. – Oxford; Cambridge MA, 1995.

Примеры

- Clavel, B. Marie Bon Pain / B. Clavel. – P. : Robert Laffont, 1980. – 198 p.
 Sabatier, R. Les enfants de l'été / R. Sabatier. – P. : Albin Michel, 1981. – 372 p.
 Sagan, Fr. Des yeux de soie / Fr. Sagan. – P. : Flammarion, 1978. – 192 p.
 Sagan, Fr. Le lit défait / Fr. Sagan. – P. : Flammarion, 1977. – 168 p.
 Sagan, Fr. Un peu de soleil dans l'eau froide / Fr. Sagan. – P. : Flammarion, 1986. – 183 p.
 Sagan, Fr. Les merveilleux nuages / Fr. Sagan. – P. : Julliard, 1980. – 189 p.

Matsko I.D. On Some Metadiscourse Functions of Particles in French

In the article some metadiscourse functions of particles are discussed.

The emphasis is placed upon one of the most frequent difficulties in verbal interaction known as hesitation. The article highlights emotional, cognitive, communicative and interactive sources of hesitation and reveals the role of particles as metadiscourse units which help communicants to overcome the hesitation as one of the difficult points of interaction.

Матэрыял наступіў у рэдкалегію 24.03.2009